

Станюкович Константин Михайлович

Откровенные
Роман в 2 частях

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Михайлович С.**
Откровенные: Роман в 2 частях / Станюкович Константин Михайлович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 411 с.

ISBN 978-5-519-75291-6

ISBN 978-5-519-75291-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

Въ зимній день 187* года часы въ приѣмной департамента медленно и внушительно пробивали одиннадцать ударовъ.

Молодой дежурный чиновникъ свѣтской выправки, остриженный подъ гребенку, то поглядывавшій украдкой на одну изъ просительницъ, хорошенькую, пикантную блондинку въ пенснэ, то любовавшійся своими красивыми, выхоленными руками, — при первомъ ударѣ часовъ быстро поднялся съ кресла, обдернулъ бортъ вицъ-мундира и вытянулся, чуть-чуть подрагивая выставленной впередъ ногой. И въ ту же минуту его беззаботное, молодое румяное лицо добродушнаго шелопа сдѣлалось необыкновенно серьезнымъ, и во взглядѣ его карихъ, нѣсколько телячьихъ глазъ появилось выраженіе официальной озабоченности исправнаго чиновника.

Просители встрепнулись и встали съ креселъ. Въ солидной приѣмной воцарилась мертвая тишина. Взоры всѣхъ обратились на высокую дубовую дверь, за которой былъ кабинетъ директора.

Съ послѣднимъ боемъ часовъ, дверь безшумно отворилась, и—аккуратный, какъ хронометръ—въ

приемную вошелъ, слегка щуря свои небольшіе сѣрые глаза, его превосходительство Степанъ Ильичъ Павлицевъ.

Это былъ видный и представительный, недурной собою блондинъ съ шелковистою подстриженною бородкой и свѣтлыми небольшими усами. Свѣжій, гладкій, слегка благоухающій, онъ казался совсѣмъ молодымъ, несмотря на свои сорокъ пять лѣтъ.

Безукоризненно сшитый, еще совсѣмъ новый видъ-мундиръ, на которомъ блестѣла звѣзда, необыкновенно ловко сидѣлъ на статной, высокой, слегка полноватой фигурѣ Павлицева. Стоящій воротникъ сорочки, подпиравшій розоватыя, мясистыя щеки, и рукава съ крошечными запонками сіяли ослѣпительно бѣлизной. Все, начиная отъ галстука и кончая остроносыми сукошными ботинками, свидѣтельствовало, что его превосходительство тщательно заботится о своемъ туалетѣ.

Несмотря на преувеличенную серьезность его умнаго и энергичнаго лица и на нѣкоторую юпитеровскую застланность взгляда, и въ фзіономіи, и въ глазахъ, и во всемъ его существѣ чувствовалось радостное довольство человѣка, переживающаго медовый мѣсяцъ своего новаго положенія и котораго еще тѣшитъ и престижъ власти, и игра въ начальники. Онъ весь словно внутренне сіялъ, хотя и старался казаться невозмутимо-серьезнымъ авгуромъ.

Павлицевъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и, слегка наклоняя на бокъ свою бѣлокурую голову, какъ бы готовый слушать, уставилъ глаза на ближайшаго просителя. Онъ сразу узналъ этого высо-

каго, рыжаго пожилого господина, въ потертомъ фракѣ и съ потертымъ непріятнымъ лицомъ, на которомъ стояло запыливающее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наглое выраженіе безшабашнаго малаго, прошедшаго огонь и воду. Особенно были наглы глаза, — большіе, блестящіе черные глаза, глядѣвшіе изъ глубокихъ темныхъ глазницъ въ упоръ на Павлицева.

Павлицевъ не подалъ вида, что узнаетъ просителя.

— Коллежскій ассесоръ Бугаевъ, ваше превосходительство! — громко отчеканилъ «потертый фракъ». — Имѣлъ счастье, десять лѣтъ тому назадъ, служить съ вашимъ превосходительствомъ! — прибавилъ онъ, произнося этотъ титулъ громко и звучно, съ какимъ-то, казалось, особеннымъ удовольствіемъ, и его голосъ при этомъ вибрировалъ восторженно и нѣжно.

Это безтактное напominаніе о томъ, сравнительно недавнемъ, времени, когда Павлицевъ, безвѣстный, незначительный чиновникъ, служилъ вмѣстѣ съ господиномъ Бугаевымъ въ одномъ захолустномъ городкѣ и, случалось, даже «перехватывалъ» у своего сослуживца «до двадцатаго», — повидимому, не доставило его превосходительству ни малѣйшаго удовольствія, тѣмъ болѣе, что внезапно вызвало въ его памяти и кое-какія «ошибки молодости», которыя его превосходительство хотѣлъ бы забыть навсегда.

— Какъ же, помню, помню... Чѣмъ могу служить вамъ? — проговорилъ Павлицевъ вѣжливо-сухимъ офиціальнымъ тономъ, не допускающимъ никакихъ дальнѣйшихъ воспоминаній.

Бугаевъ, какъ будто даже удивился. Въ самомъ дѣлѣ, странный вопросъ! Казалось, было такъ оче-

видно, чѣмъ могъ служить его превосходительство человѣку, явившемуся во фракѣ, да еще значительно потертомъ, съ крестомъ на шеѣ, повязанной, плохенькимъ галстукомъ поверхъ не особенно ослѣпительнаго воротничка и съ докладной запиской въ рукѣ?

И господинъ Бугаевъ произнесъ не безъ нѣкоторой веселой развязности:

— Хотѣлъ бы имѣть занятія подѣ просвѣщеннымъ начальствомъ вашего превосходительства!

Красивое и просвѣщенное лицо его превосходительства сдѣлалось совсѣмъ серьезнымъ.

— У меня нѣтъ никакой вакансіи, — медленно проговорилъ онъ, отчеканивая каждое слово, какъ бы для большей убѣдительности, что вакансій нѣтъ.

Но господинъ Бугаевъ, казалось, не убѣдился и, нисколько не смутившись, продолжалъ:

— Я, ваше превосходительство, прошусь не сюда, не въ Петербургъ... Я готовъ служить и въ провинціи... И тамъ, смѣю думать, нужны люди... Лишившись мѣста, я нахожусь, можно сказать, въ самомъ критическомъ положеніи...

— Вы гдѣ служили?

— Исправникомъ, ваше превосходительство.

— Отчего же вы оставили это мѣсто?

— Изъ-за патріотическаго образа мыслей, ваше превосходительство! — не безъ паоса воскликнулъ Бугаевъ и горько усмѣхнулся. — Я старался исполнять свою высокую, смѣю думать, миссію вполне согласно съ духомъ закона. Я хотѣлъ быть дѣйствительно авторитетнымъ и властнымъ лицомъ среди ввѣренныхъ моему охраненію крестьянъ, но это, ра-

зумѣется, не понравилось многимъ неблагонамѣреннымъ людямъ. Къ сожалѣнію, вліяніе этихъ людей не осталось безъ воздѣйствія и на господина начальника губерніи. Меня обвинили въ превышеніи власти и предложили подать въ отставку! Все это подробно изложено въ докладной запискѣ, ваше превосходительство!

И съ этими словами Бугаевъ протянулъ записку, продолжая смотрѣть въ упоръ на его превосходительство.

Этотъ почтительно-наглый взглядъ нѣсколько смущалъ Павлицева.

«Того и гляди, эта каналья позволить себѣ какую-нибудь фамиллярность, скажетъ что-нибудь о прежнихъ ихъ отношеніяхъ... Отъ этого нахала можно всего ожидать!» промелькнуло въ головѣ у Павлицева.

И чтобъ отдѣлаться отъ этого назойливаго просителя, онъ проговорилъ, принимая записку:

— Хорошо-съ. Я буду имѣть васъ въ виду. Потрудитесь записать господина Бугаева въ списокъ кандидатовъ! — прибавилъ Павлицевъ, слегка поворачивая голову къ стоявшему сзади дежурному чиновнику и отступая отъ просителя.

— Кандидатомъ? — протянулъ Бугаевъ иронически. — О, ваше превосходительство, я въ двухъ министерствахъ записанъ кандидатомъ и числюсь въ такомъ званіи третій годъ... Осмѣлюсь доложить, мое положеніе не позволяетъ мнѣ утѣшаться кандидатурой, ваше превосходительство. Не имѣя никакой протекціи, я рѣшился именно обратиться къ вашему

превосходительству, полагая, что вы не изволили забыть бывшего сослуживца и знаете меня, какъ добросовѣстнаго работника...

— Но я ровно ничего не могу сдѣлать,—нетерпѣливо перебилъ Павлицевъ.

— Вы, вапсе превосходительство?.. Одно ваше слово...

И, понижая голосъ почти до шепота, Бугаевъ прибавилъ:

— Марья Евграфовна просить... Она знаетъ мое отчаянное положеніе съ женой и дѣтьми... Если угодно, она явится сама просить за меня, ваше превосходительство!

При этомъ имени Павлицевъ слегка смутился. Но смущеніе его продолжалось мгновеніе. Онъ овладѣлъ собою и рѣзко проговорилъ:

— Кто бы ни просилъ за васъ, все равно. Я не имѣю права обходить другихъ кандидатовъ. У меня строго соблюдается очередь!—подчеркнулъ онъ нарочно громко, чтобы слышали всѣ, и отошелъ къ слѣдующему просителю.

Бугаевъ пожалъ плечами и, мрачный, вышелъ изъ пріемной.

Съ остальными просителями дѣло пошло гораздо скорѣй и безъ всякихъ непріятныхъ воспоминаній. Его превосходительство ясно, коротко и толково давалъ нужныя объясненія, обѣщалъ, отказывалъ, просилъ повременить, давалъ слово прочесть записку, видимо щеголяя своимъ мастерствомъ говорить съ дѣловитой краткостью и схватывать самую суть дѣла.

Только хорошенькая блондинка, съ пенснэ на за-

дорно приподнятомъ носикѣ, никакъ не могла или, быть можетъ, не хотѣла понять, что сестра, за которую она хлопотала, не имѣетъ права на пенсію, и послѣ объясненій Павлищева, самыхъ, казалось бы, убѣдительныхъ, снова повторила съ видомъ непонимающаго ребенка, даря Павлищева самой очаровательной улыбкой:

— Но ужъ вы устройте, ваше превосходительство. Если вы захотите, все возможно...

— Законъ, сударыня... Я рѣшительно не могу... Супругъ вашей сестры прослужилъ всего 12 лѣтъ...

— Но войдите въ ея положеніе... Сестра осталась безъ всякихъ средствъ... дѣти... Мужъ ея умеръ внезапно... ударъ... Онъ отлично шелъ по службѣ... Ахъ, еслибъ вы были такъ добры и захотѣли сдѣлать истинно христіанское дѣло...

— При всемъ желаніи, я все-таки ничего не могъ бы сдѣлать, повѣрьте,—возразилъ Павлищевъ, не безъ тайнаго удовольствія любуясь пикантнымъ личикомъ молодой женщины.—Я имѣлъ честь уже нѣсколько разъ докладывать вамъ, что законъ...

«Однако, премиленькая бабенка!» подумалъ его превосходительство, и серьезный взглядъ его скользнулъ по ея открытой шеѣ и роскошному бюсту.

Вѣроятно, блондинка замѣтила этотъ взглядъ, подавшій ей новую надежду выхлопотать для сестры пенсію, и вмѣсто того, чтобы уйти, она снова зашебетала:

— Но мадамъ Анисьевой дали пенсію, хотя мужъ ея прослужилъ всего десять лѣтъ. Отчего же не дать моей сестрѣ? —прибавила она и сдѣлала обиженную

мину, которая тоже очень шла къ ней и могла, по ея мнѣнію, разжалобить его превосходительство.

Она очень хорошо знала, — эта маленькая, хорошенькая женщина, хлопотавшая за приличный гонораръ въ пріемныхъ за разныхъ миѣическихъ сестеръ и братьевъ, — что самые неподкупные и суровые администраторы за сорокъ лѣтъ дѣлаются сердобольны при видѣ хорошенькихъ просительницъ да еще вдобавокъ съ такимъ роскошнымъ станомъ, какимъ обладала она.

— Я не освѣдомленъ, сударыня, на какомъ основаніи дали пенсію госпожѣ Анисьевой, но смѣю васъ увѣрить, что о подобной просьбѣ я не могу доложить... Просите самого министра... Вамъ что угодно? — обратился его превосходительство къ послѣднему просителю, пожилому человѣку съ вихрастой шевелюрой посѣдѣвшихъ волосъ, все время стоявшему въ мечтательной задумчивости и, казалось, не обращавшему ни на что своего вниманія.

Не первой свѣжести фракъ и бѣлье, плохо вычищенные сапоги, небрежно повязанный галстухъ, блѣдное, изборожденное морщинами, когда-то красивое лицо, опушенное громадною, черною съ просѣдью бородой, закрывавшею почти всю грудь, глубоко сидящіе глаза, упорные и сосредоточенные, высокій благородный лобъ и выраженіе какой-то спокойной и даже нѣсколько надменной увѣренности въ умной физіономіи и въ глазахъ, — все отличало этого просителя отъ остальныхъ, бывшихъ въ пріемной.

Вмѣсто отвѣта, этотъ господинъ подалъ его превосходительству объемистую тетрадь.

— Это что такое?

— Описаніе моего изобрѣтенія, ваше превосходительство... Хочется думать, что вы прочтете и убѣдитесь въ огромномъ его значеніи... Вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ я хлопочу, хожу по пріемнымъ и... и получаю отказы... Я убѣжденъ, что никто и не читалъ этой записки... Узнавъ изъ газетъ, что вы назначены на столь важный постъ, я рѣшилъ обратиться къ вамъ за содѣйствіемъ... Прочтите, и вы увидите, безумецъ-ли я, какъ находятъ господа чиновники, или предлагаю Россіи десять милліоновъ ежегоднаго сбереженія...

— Хотя это и не по моему департаменту, но я непременно прочту,—проговорилъ Павлицевъ, принимая объемистую записку и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ взглядывая на просителя и какъ бы соображая: сумасшедшій онъ или нѣтъ...

— Искренно вамъ благодаренъ,—съ чувствомъ произнесъ старикъ,—но предварительно позвольте вамъ кратцѣ изложить принципы моего изобрѣтенія...

Павлицевъ позволилъ, и краткое изложеніе заняло цѣлыхъ пятнадцать минутъ убѣжденнаго и оживленнаго изложенія и грозило еще продолжаться, если бы Павлицевъ не остановилъ изобрѣтателя.

— Извините, мнѣ некогда... Я непременно прочту вашу записку... Идея ваша мнѣ нравится... Приходите черезъ мѣсяцъ.

Обрадованный изобрѣтатель еще разъ поблагодарилъ его превосходительство и ушелъ, счастливый, съ загорѣвшими глазами, почти увѣренный, что теперь дѣло его въ шляпѣ.

Его превосходительство направился въ свой кабинетъ. У дверей онъ остановился и спросилъ у дежурнаго чиновника:

— Какъ фамилія этой просительницы, которая хлопочетъ о пенсіи своей сестры?

— Рогальская, ваше превосходительство! Анна Аполлоновна Рогальская...

— Назойливая дама! — промолвилъ недовольнымъ тономъ Павлищевъ и скрылся въ дверяхъ кабинета.

ГЛАВА II.

Представительный курьеръ Сидоренко, — почтенный сѣдовласый старикъ изъ отставныхъ вахмистровъ, съ золотой медалью на шеѣ, бодрый и крѣпкій, съ благообразнымъ солиднымъ и серьезно-внушительнымъ лицомъ, — безшумно вошелъ, вслѣдъ за звонкомъ, въ кабинетъ и вытянулся въ струнку.

— Переодѣться!

Старикъ досталъ изъ шкафа темную жакетку и, принявъ вицъ-мундиръ и владимірскій крестъ, снятый съ шеи, помогъ его превосходительству принять неофициальный и даже нѣсколько легкомысленный видъ обыкновеннаго смертнаго.

Этотъ курьеръ, перемѣнившій на своемъ вѣку не мало директоровъ, а съ ними вмѣстѣ и не мало взглядовъ на внутреннюю политику, остававшійся при разныхъ перемѣнахъ несмѣняемымъ, съумѣвшій скопить на своемъ скромномъ посту изрядный капиталецъ, ссужая за небольшіе «проценты» господъ чиновниковъ, — этотъ философъ сразу замѣтилъ, что «но-